

# ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Кино — запечатленное время. Лента, прокрученная со скоростью двадцать четыре кадра в секунду, способна вместить боре-ния целой эпохи, судьбы, конфликты, характеры, решенные и нерешенные проблемы, волнующие человечество.

Об уровне киноискусства мы вправе судить по лучшим филь-мам. Обо всем советском киноискусстве и, в частности, об эс-тонском кино.

Сегодня наш разговор о трех художниках, работающих в раз-ных жанрах — об игровых фильмах Кальё Кийска, рисованных мультипликациях Рейна Раамата и научно-популярных лентах Рейна Марана.

\* \* \*

... Настоящий художник всегда начинает новую работу с нуля, словно забыв о накопленном опыте и завоеванном мастерстве — в этом парадокс истинного профессионализма. Отсюда — воз-можность открытий. Для одних в поисках еще неизведанных тем и проблем (они идут вширь), для других (они идут вглубь) в возвращении на каждом следующем витке к исследованию про-блемы, поставленной перед собой на всю жизнь.

Восприятию героев Кальё Кийска всегда сопутствуют и момент узнавания, и момент неожиданности. В них всегда есть поправка на некую необычность, некую аномалию, незначитель-ное колебание магнитной стрелки, обуславливающие и чрезвы-чайность или непредсказуемость ситуаций, в которых они дейст-вуют. Они выделены из обыденности своей несогласованностью с нею, но не оторваны от жизни, ибо нацелены на ее преобра-зование и изменение.

Один из интереснейших героев режиссера — Тоомас Нипер-наади, чьим именем назван фильм, вышедший недавно на экра-ны. (В русском варианте лента называется «Искатель приключе-ний»).

В литературе каждого народа есть свой чудак, свой «человек воздуха», иной раз фантазер, иной раз балагур, иной раз хитрец под маской простака. Нельзя сказать, что в каждом французе живет Тартарен из Тараскона, в каждом немце — барон Мюнхгау-зен, в каждом чехе — Швейк. Но какие-то не явные, однако характерные национальные черты они отражают. А главное — их исключительность помогает острее выявить типичное, заклю-ченное в людях (персонажах), с которыми они сталкиваются. Из их числа и Тоомас Нипернаади.

Он идет от одного эстонского хутора к другому, встречается с разными людьми и немедленно входит в их жизни и судьбы, как входят в открытые двери дома, или как влезают в плохо затворенное окно. Речь его сказочна и лукава. Она манит, заво-раживает, оплетает своей фантазией. Он сулит несбыточное — сну обещает явь, мечте — воплощение, утопии — жизнь. И в счастливом вдохновении уже сам не чувствует грани между все-ми этими понятиями. Разочарование его вдвое сильнее разоча-рования обманутых им, а простые радости, которые он помо-гает обрести, волнуют его больше обретших.

Его замки воздушны и теряются в облаках, но фундамент их прочен и стоит на родной земле. И когда говорит он о сказоч-ной, небывалой, выдуманной стране, она предстает перед нами на экране, потому что это и есть Эстония, увиденная глазами любви. А когда говорит он о небывалой, немыслимой силе чувств, то мы видим, как они загораются в душах реальных лю-дей и отражаются в их внимательных и восторженных глазах.

Тоомас Нипернаади доказывает, что невозможное все-таки способно обернуться возможным, и в этой надежде — обаяние персонажа, искупление его обманов, искупление тревоги и гру-сти, которые он оставляет после себя.

В конце фильма выясняется, что Тоомас Нипернаади — писа-тель, ищущий и создающий сюжеты для своих книг. Эта оговор-ка представляется ненужной и напрасной, но, к счастью, пере-одевание героя ничего уже не может изменить в ленте. Ленте, раскрывшей характер, которого не было еще в эстонском кине-матографе и к которому Кальё Кийск шел через долгие годы исканий и обретений.

Есть все основания полагать, что Тоомас Нипернаади станет именем нарицательным.

\* \* \*